

13.01.2011

из первых уст

Слово как преступление

В последнее время и в Латвии, и в соседней Литве наблюдается новая тенденция: к уголовной ответственности привлекают людей, высказывающих некие спорные, неприемлемые для всего общества или для части общества мнения.

Фото Оксаны Джадан.

Ина ОШКАЯ

В Латвии начат уголовный процесс против даугавпилчанина Руслана Ефимова, который заявил, что депортации июня 1941 года были для СССР вынужденной мерой, а лидеру Соцпартии Литвы Альгирдасу Палецкису предъявлено обвинение в том, что он отрицает советскую агрессию против Литвы в январе 1991 года. Где можно провести границу? Когда слово становится преступлением? Как эти проблемы решаются в Европе?

На вопросы «Часа» отвечает депутат Сейма от «Центра согласия», член делегации Латвии в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) Борис Цилевич.

Слово и дело

- Как судебные процессы, в ходе которых людей осуждают за те или иные высказывания, соотносятся со свободой слова?

- Для начала расставим точки над «і». Свобода слова является одним из фундаментальных прав человека. Каждый человек имеет право на свое мнение, он имеет право это мнение свободно распространять, получать любую информацию и узнавать другие мнения. Но свобода слова не является абсолютным правом, это право может быть ограничено, когда этого требуют законные интересы общества.

- Например?

- Например, есть конфиденциальная, секретная информация. Эта проблема

сейчас особенно актуализировалась - в связи с Wikileaks. Одно дело, когда государство сознательно скрывает от людей ту информацию, которую общество имеет право знать. Но совсем другое дело, когда речь идет о ситуациях, где засекречивание оправдано - скажем, для защиты от террористов. По собственному опыту работы в парламенте знаю, что в ряде случаев действительно есть основания признать какую-то информацию конфиденциальной. И это касается не только военных секретов. Извините, но даже повар вряд ли даст вам попробовать борщ на первом этапе его приготовления... Точно так же и распространение информации о каких-то проектах или предложениях может принести реальный вред.

Не менее серьезные основания для ограничения информации связаны с частной жизнью.

Как известно, свобода каждого человека кончается там, где начинается свобода другого.

В последнее время в Европейском суде по правам человека рассматривалось немало дел на эту тему. Конечно, о политиках, руководителях государства общество имеет право знать гораздо больше, чем о частном лице. Но и здесь существуют определенные границы.

Ну и наконец, тема, которая нас особенно волнует - это разжигание розни, призывы к насилию, оскорбления целых групп людей. Есть высказывания, которые объективно наносят вред обществу. Как писал Вадим Шефнер, «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». То есть слово - это тоже дело.

- И когда слово становится плохим делом?

- Возможные ограничения свободы слова - это передний край современной концепции прав человека. Каждый конкретный случай рассматривается судами отдельно. При этом применяется так называемый критерий пропорциональности: любое ограничение должно быть установлено законом, должно иметь легитимную цель и должно быть необходимым в демократическом обществе - т. е. этой легитимной цели нельзя достичь другим, менее ограничивающим права человека способом.

В этой области существует несколько тенденций.

Общепризнанно, что за пределами допустимого находятся призывы к насилию. Ведь от призыва до реальных действий - всего лишь полшага.

Как правило, запрещены и призывы к дискриминации.

А вот как интерпретировать эти нормы в каждом конкретном случае, как оценить возможный вред для общества - это весьма деликатный вопрос. В разных государствах существует разная практика. В США свобода слова является практически абсолютным правом. Именно поэтому, в частности, все расистские сайты давно «переехали» на американские хостинги - в США интернет-провайдерам ничего не грозит, а в Европе за помощь в распространении откровенно расистских идей могут и наказать.

Без знака равенства

- Периодически приходится слышать, в том числе и от латвийских политиков, представляющих правые партии, что Европа вот-вот поставит знак равенства между нацизмом и коммунизмом.

- Европа еще в конце прошлого века была очень озабочена тем, что откровенная ксенофобская, человеконенавистническая пропаганда приводит к печальным практическим последствиям. Расистская пропаганда, призывы к насилию и дискриминации свободно распространялись, особенно в Интернете. И быстро выходили за рамки просто разговоров - наблюдался реальный рост насилия в обществе. Поэтому возникла необходимость как-то ограничить этот процесс, договориться об общей интерпретации законных интересов общества. Именно поэтому еще в 2001 году Еврокомиссия предложила проект директивы о борьбе с расизмом и ксенофобией.

Однако некоторые государства-члены ЕС - конкретно страны Балтии и Польша, решили воспользоваться этой возможностью, чтобы попытаться «прицепить» к этой директиве вопросы истории, уравнивать нацизм с коммунизмом. Видимо, очень хотелось подвести юридическую базу под антироссийскую политику - объявить Россию правопреемницей СССР и тем самым возложить на нее ответственность за преступления коммунистического тоталитаризма.

Дискуссия на эту тему шла несколько лет. В рамках этой дискуссии новым членам ЕС вежливо объясняли, что идея была совсем другой, что «второй Нюрнбергский процесс» над коммунизмом - совсем иная тема. В итоге принятие директивы очень сильно затянулось. Другими словами, правительства Балтии под предлогом борьбы за историческую справедливость в течение нескольких лет объективно мешали эффективной борьбе против расизма.

В итоге директива все же была принята.

С юридической точки зрения в отношении к нацизму и коммунизму существует принципиальная разница - нацизм осужден Нюрнбергским трибуналом как преступная идеология, этот приговор - часть международного права, и именно поэтому оправдание этой идеологии является преступлением.

В ряде государств уголовным преступлением является и отрицание Холокоста. Ведь от отрицания - один шаг до оправдания, а значит, и возможности повторения этой величайшей трагедии. По делам об отрицании Холокоста есть реальные судебные процессы и приговоры.

- Но борьба за признание коммунистической идеологии преступной по-прежнему идет?

- Политики, естественно, имеют право добиваться принятия норм об осуждении коммунизма, но сегодня этих норм нет. Впрочем, это не помешало некоторым государствам-членам ЕС при перенятии директивы о борьбе с расизмом и нетерпимостью по-своему интерпретировать эти нормы -

например, предусмотрев наказание за отрицание или оправдание геноцида. Конечно, национальное законодательство может идти дальше, чем Европейская конвенция прав человека или соответствующие директивы Евросоюза. Однако эти нормы не могут вступать в противоречие с принципом свободы слова.

Если исходить из практики Европейского суда по правам человека, то нужны очень веские основания для того, чтобы ограничить свободу слова. Классическим примером тут может служить ряд приговоров Европейского суда против Турции. В своих решениях суд прямо отмечал, что под защитой принципа свободы слова находятся и мнения, которые являются неприемлемыми для большинства общества и даже провокационными. И тот факт, что большинство общества возмущено этими мнениями, еще не дает оснований для наказания за высказывание этих мнений.

А что у нас?

- Как бы вы прокомментировали дело Руслана Ефимова?

- Для меня его высказывания абсолютно неприемлемы. Я считаю их кощунственными. Депортации - это преступление, это огромная трагедия тысяч людей, которую ничем нельзя оправдать. Но оснований для юридического преследования Ефимова с точки зрения Европейской конвенции прав человека я не вижу. По-моему, его слова заслуживают морального осуждения. Но я сомневаюсь, что за это можно наказывать в уголовном порядке.

- А что вы скажете о литовском прецеденте - осуждении за отрицание советской агрессии?

- Случай в Литве мне трудно комментировать, не имея доступа к точным цитатам на оригинальном языке, ведь тут важны нюансы. Отмечу только, что Литва, к сожалению, с упорством, достойным лучшего применения, продолжает активно проводить линию борьбы за осуждение коммунизма. В конце прошлого года министр иностранных дел Литвы выступил инициатором очередного обращения в Еврокомиссию с призывом приравнять коммунизм к нацизму. Характерно, что ни Эстония, ни Польша это обращение не подписали. А наш Гиртс Валдис Кривостис поспешил присоединиться... Еврокомиссия вежливо ответила, что этот вопрос не стоит в повестке дня.

- Получается, что в каких-то вопросах латвийское законодательство не соответствует европейскому?

- Государства имеют определенную степень свободы при разработке национального законодательства. Оно может быть более детальным и отличаться от того, что написано в международных конвенциях. Но в национальном законодательстве не может быть норм, которые прямо противоречат европейским.

Я бы сказал, что в Латвии юридическая практика в вопросе свободы слова, скорее, близка к американской. И хотя решения суда комментировать не принято, я считаю, что оправдание неонациста Йорданса - который сам

назвал себя неонацистом! - является позором для Латвии. Я знаком с материалами дела, давал показания в суде в качестве свидетеля - и по-другому назвать это не могу. Если после оправдания Йорданса Ефимов будет осужден, это будет выглядеть, мягко выражаясь, очень странно...

- То есть Латвия, как обычно, бежит впереди паровоза?

- Нет. На самом деле мы отстаем от европейской тенденции - и в плане законодательства, и в плане применения юридических норм мы должны делать намного больше для ограничения расистских высказываний, ксенофобии, призывов к дискриминации. А кандидатов у нас, увы, достаточно...

Copyright © Petits | При перепечатке и цитировании ссылка на «ЧАС» обязательна